

«ЖЕТОН ВОРОНА»

«ЛОРА БЛЭК»

Лора Блэк

Жетон Ворона

<https://litres.ru/74360094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Альтернативный Петербург задыхается в тисках вечной осени, угольного смога и железной диктатуры Канцелярии Тайных Дел. Сто лет назад чудовищная Машина Забвения стерла память города, лишив его жителей подлинного прошлого. Среди ржавых шестеренок и паровых машин выживают Мнемоники — маги, способные считывать чужие воспоминания. Ученик часовщика Тихомир находит своего наставника убитым. В руках мертвеца зажат серебряный жетон Ворона — знак личных карателей императора, а дар «Осколки памяти» приносит предсмертное предупреждение: «Ты следующий». Пытаясь спастись от механических ищек, Тихомир объединяется со Стирательницей Верой и безумным механиком Прохором. Им предстоит пройти сквозь трущобы Лиговки, выдержать штурм секретных лабораторий и совершить дерзкий прорыв к Кронштадтским фортам. У них есть всего три дня до Осеннего Равноденствия, чтобы вернуть городу украденную правду. Но готов ли Тихомир узнать, что его собственное прошлое — смертельно опасная ложь?

Содержание

Глава 1 Серебро в пепле	4
Г	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лора Блэк

Жетон Ворона

Глава 1 Серебро в пепле

Дождь в Петербурге никогда не смывал грехи. Он лишь размазывал копоть от угольных заводов по граниту набережных и заставлял масляные фонари исходить удушливым желтым чадом.

Тихомир поднял воротник тяжелого суконного пальто, защищаясь от ледяного ветра с Невы. Город задыхался в тисках вечной осени. В небе над шпилями Петропавловской крепости лениво кружили стаи механических воронов — шпионов Третьего отделения, чьи паровые поршни тихо свистели в сыром воздухе.

Он свернул в глухой переулок близ Фонтанки. Здесь, в подвале старого доходного дома, располагалась часовая мастерская Аркадия. Но часы были лишь ширмой. Настоящим ремеслом старика была торговля воспоминаниями — незаконная, опасная и ювелирная магия.

Тихомир толкнул тяжелую дубовую дверь. Колокольчик над головой жалобно звякнул, но из глубины мастерской никто не отозвался.

Внутри пахло медью, машинным маслом и... застарелым

страхом. Этот запах Тихомир, как мнемоник, научился распознавать мгновенно. Страх пахнет озоном и горьким миндалем.

— Аркадий? — негромко позвал Тихомир, шагая внутрь.

Ответом был лишь монотонный, сводящий с ума стук сотен шестеренок. На стенах тикали настенные ходики, карманные хронометры, гиревые маятники. Но среди этого привычного хаоса звуков Тихомир уловил чужеродный хрип. Так дышит человек, чьи легкие заливает кровь.

Он бросился в глубь комнаты, мимо полок с хрустальными флаконами, в которых мерцали чужие мысли и сны.

Аркадий лежал на полу у своего рабочего стола. Его старый шерстяной жилет был насквозь пропитан темным, почти черным сукровищем. Глаза мастера, обычно острые и внимательные, стекленели, отражая тусклый свет газовой лампы.

— Учитель! — Тихомир рухнул на колени, пачкая брюки в луже крови. Он судорожно прижал ладонь к ране на груди старика, но понимал — поздно. Жизнь уходила из Аркадия по каплям.

Старик судорожно дернулся. Его пальцы, испачканные в масле, разжались. Из них на окровавленные половицы с тихим металлическим звоном покатился предмет.

Это был массивный серебряный жетон. На его лицевой стороне была выгравирована голова ворона с раскрытым клювом, а глаза птицы были инкрустированы крошечными

осколками черного обсидиана. От жетона веяло такой ледяной потусторонней стужей, что у Тихомира перехватило дыхание.

Аркадий издал последний, прерывистый вздох. Его тело обмякло. Стук часов в мастерской словно стал громче, забивая уши.

Тихомир замер. На мгновение его парализовал страх, но профессиональный инстинкт взял верх. Убийца мог быть еще рядом. Но важнее было другое — Аркадий ушел, унося с собой тайну своей смерти. Если только...

«Осколки памяти», — мысленно произнес Тихомир название своего проклятия и дара.

Он нерешительно протянул руку и коснулся обнаженными пальцами еще теплого лба учителя. В ту же секунду Тихомир закрыл глаза и с силой надавил на виски.

Мир вокруг него взорвался.

Пространство мастерской разлетелось на тысячи зеркальных осколков. Каждый осколок закружился в бешеном вихре, склеиваясь в чужие, предсмертные воспоминания. Тихомира швырнуло в темноту, и он перестал быть собой. Сейчас он был Аркадием.

...Отрезок времени: десять минут назад. Свет лампы режет глаза. Руки Аркадия дрожат, он пытается вставить шестеренку в сломанный хронометр. Вдруг за спиной раздаётся скрип половицы. Старик оборачивается.

В дверях стоит силуэт. Из-за накинутаго капюшона ли-

ца не разглядеть, но из-под плаща виден мундир из дорогого черного сукна с серебряным шитьем — знак высших чинов Канцелярии Тайных Дел. Незванный гость движется неестественно плавно, словно хищник.

— Где дневник покойного графа? — голос нападавшего звучит глухо, искаженно, будто через слой воды.

— Я... я не понимаю, о чем вы, сударь, — лжёт Аркадий, пятась к столу. На его лбу выступает холодный пот.

— Ложь вредит вашей памяти, мастер, — шепчет фигура.

Вспышка боли. Острая, парализующая. Длинный тонкий стилет пробивает ребра Аркадия. Старик падает на колени, хватая ртом воздух. Нападающий наклоняется, его пальцы в черной лайковой перчатке сжимают серебряный жетон Ворона. Он подносит его к самому лицу умирающего Аркадия.

— Твой орден стерт из истории. Вы — лишь тени. И ты — не последний.

Убийца резко выдергивает клинок. Аркадий падает. Хлопает входная дверь — нападающий уходит, уверенный, что дело сделано.

Взгляд Аркадия тускнеет. Вдруг в его угасающем сознании вспыхивает единственная мысль — образ его ученика. Тихомира.

И в этот момент реальное время и воспоминание причудливо переплетаются. Душа Аркадия, цепляясь за последние

секунды на грани бытия, словно видит Тихомира, который сейчас считывает эту память.

Умирающий старик в воспоминании смотрит прямо в глаза Тихомиру через призму времени. Его губы шевелятся, и в сознании Тихомира громом отдаются последние, хриплые слова наставника:

— Тихомир... Беги... Ты следующий...

Видение оборвалось с оглушительным треском.

Тихомир отпрянул от тела, тяжело дыша. Его сердце готово было пробить грудную клетку. Со лба катился холодный пот, а в глазах лопались кровавые капилляры — плата за использование чужого разума.

«Ты следующий».

Слова учителя набатом стучали в голове. Канцелярия Тайных Дел. Жетон Ворона. Это были не просто бандиты, это были каратели императора. И они искали что-то, связанное с прошлым, о чем Аркадий ему никогда не рассказывал.

Вдруг снаружи, со стороны переулка, раздался пронзительный свисток. Затем еще один.

— Именем Закона! Отпирайте! — гаркнул грубый голос у дверей. Послышался тяжелый стук прикладов в дубовую обшивку. Это была городская стража. Кто-то вызвал их, или убийца намеренно навел ищеек на мастерскую, чтобы повесить преступление на ученика.

Тихомир бросил быстрый взгляд на пол. Серебряный жетон Ворона все еще лежал в крови. Не думая о последстви-

ях, он схватил холодный металл и сунул его в карман пальто. Это была его единственная зацепка.

Дверь мастерской жалобно затрещала под ударами.

Тихомир развернулся и бросился к узкому окну под толчком, ведущему в глубокий задний двор-колодец. Разбив стекло рукояткой старого револьвера, взятого со стола учителя, он подтянулся на руках и выбросился наружу, в холодную грязь петербургской ночи.

Игра началась. И ставка в ней была — его собственная жизнь.

Послышался оглушительный треск — дубовая дверь мастерской наконец поддалась под напором стражи. В сырой воздух подворотни полетели крики, топот подкованных сапог и резкие команды офицера.

Тихомир не стал оборачиваться. Прижимая к груди завернутый в платок револьвер Аркадия, он рванулся вглубь двора-колодца.

Этот двор был типичной бетонной ловушкой альтернативного Петербурга. Стены доходного дома взмывали вверх на семь этажей, закрывая небо и оставляя лишь узкую полоску серого смога. Из кухонных вытяжек пахло чадом дешевого угля и прогорклым жиром. Натянутые между окнами веревки с бельем под унылым дождем напоминали саваны.

— Чисто! Ломайте заднюю дверь! — донеслось из разбитого окна мастерской.

Выхода на улицу из этого тупика не было. Единственный

путь вел наверх.

Тихомир подбежал к ржавой пожарной лестнице, которая змеилась по кирпичной кладке. Металл обжигал ладони ледяным холодом. Шаг, еще шаг. Подошвы сапог скользили по мокрым перекладам. На уровне третьего этажа он рискнул бросить взгляд вниз.

В узкий проход двора уже ввалились трое стражников в серых шинелях. В руках они сжимали тяжелые паровые карабины, чьи бойлеры тихо и зловеще шипели, аккумулируя давление.

— Вон он! На лестнице! Прекратить движение! — заорал один из них.

Вместо ответа Тихомир полез быстрее, перепрыгивая через ступеньку. Снизу раздался характерный хлесткий хлопок — сжатый пар вытолкнул свинцовую пулю. Снаряд с визгом срикошетил от кирпича в паре дюймов от лица Тихомира, обдав его каменной крошкой и горячей пылью. Второй выстрел перебил ржавое крепление лестницы выше по ходу движения. Конструкция опасно качнулась и заскрежетала.

Преодолея страх, Тихомир сделал последний рывок и буквально вывалился на плоскую, покрытую потрескавшимся рубероидом крышу доходного дома.

Здесь ветер гулял вовсю, швыряя в лицо пригоршни ледяной водяной пыли. Впереди раскинулся бесконечный, угрюмый океан петербургских крыш. Трубы парового отопления дымили, словно трубы гигантских крейсеров, застрявших в

граните. Где-то вдаль, над Невой, сквозь туман пробивался мертвенно-зеленый луч прожектора Адмиралтейства — Ищейки Канцелярии начали прочесывать сектор.

Тихомир побежал по скользкой жести, перепрыгивая через провалы между домами. Прыжок, жесткий удар подошв о металл, металлический гул, разлетающийся по округе. Сердце колотилось в ушах. Он знал этот район, но туман и адреналин превращали знакомые крыши в лабиринт.

Сзади, на крыше, где он только что был, показались силуэты стражников. Наперерез им, прямо из облаков смога, с глухим рокотом поршней вынырнул механический ворон Третьего отделения. Его медные крылья со свистом рассекали воздух, а линза единственного окуляра на голове вспыхнула багровым светом, фиксируя цель. Робот издал скрежещущий механический клекот — сигнал тревоги для всех постов.

— Проклятье, — выдохнул Тихомир. От механической птицы на открытом пространстве не уйти.

Он резко свернул к надстройке чердачного люка одного из старых домов на Мойке. Замок был заржавевшим. Тихомир дважды ударил по нему рукоятью револьвера. Металл лопнул. Он рванул крышку на себя и прыгнул в спасительную темноту чердака за долю секунды до того, как ворон пронесся над самой его головой, едва не задев крылом.

Чердак встретил его крошечной тьмой, запахом сухой пыли, голубиного помета и старого тряпья. Тихомир скатился

по деревянной лестнице вниз, нащупал дверь на жилую лестничную клетку и побежал вниз, стараясь ступать как можно тише.

Он понимал, что Канцелярия перекроет квартал в течение десяти минут. Его лицо скоро будет напечатано на ориентировках во всех паровых газетах. Возвращаться в собственную съемную комнату на Васильевском — верная смерть.

Тихомир вышел из парадного в темную подворотню, ведущую к набережной Мойки. Дождь усилился, превратившись в плотную стену воды. Это играло ему на руку, скрывая силуэт. Сирены Ищеек выли уже совсем рядом, со стороны Невского проспекта.

Нужно было исчезнуть. И был лишь один человек в этом прогнившем городе, который умел прятать людей так, чтобы их не нашла даже императорская магия.

Спустя полчаса петляния по подворотням, промокший до нитки и дрожащий от холода, Тихомир остановился перед неприметной дверью в полуподвал заброшенного доходного дома на окраине Коломны. Над дверью не было вывески, лишь едва заметный, выцарапанный на кирпиче знак — перевернутые песочные часы.

Он постучал особой дробью: три быстрых удара, пауза, два тяжелых.

За дверью воцарилась тишина. Тихомир уже хотел постучать снова, как вдруг послышался сухой щелчок отодвигаемой щеколды. Дверь приоткрылась на толщину массивной

железной цепочки.

В щели показалось лицо, наполовину скрытое тенью глубокого капюшона. Но даже в полумраке Тихомир разглядел неестественно яркие, неестественно живые зеленые глаза. Это была **Вера**, известная в узких кругах изнанки Петербурга как «Стирательница».

— Ты опоздал на встречу, которой не было, Тихомир, — раздался ее низкий, слегка хриловатый голос. В нем не было страха, только холодная собранность. — И от тебя пахнет свежей кровью и чужим страхом.

— Аркадий мертв, — без предисловий выдохнул Тихомир, едва удерживаясь на ногах. — Его убила Канцелярия. За мной шел механический ворон. Вера, мне нужно уйти с улиц. Пожалуйста.

Вера помолчала секунду. Зеленые глаза скользнули по его бледному лицу, задержались на кармане, где лежал револьвер, а затем опустились к полу. Она оценивала риски. Канцелярия Тайных Дел — это приговор для любого, кто встанет у них на пути.

Сзади, в конце переулка, послышался тяжелый рокот парового автомобиля стражи. Фары машины разрезали туман желтыми клинками.

— Заходи. Быстро, — скомандовала Вера.

Она сбросила цепочку и втащила Тихомира внутрь, мгновенно заперев дверь на три тяжелых замка.

Внутри ее убежище выглядело странно. Здесь не было ча-

сов, как у Аркадия. Стены были заставлены стеллажами с тысячами пустых, чистых тетрадей в кожаных переплетах, а на столе горела единственная спиртовая лампа. Вера была уникальным магом — в отличие от Тихомира, который умел собирать осколки чужой памяти, она умела эту память уничтожать. Заросли связей, опасные воспоминания, ненужные лица — она стирала их из умов свидетелей, помогая преступникам и беглецам обрести новую жизнь.

Вера повернулась к Тихомиру и сбросила капюшон. Ее коротко остриженные темные волосы были мокрыми на висках.

— Если Ищейки придут сюда, они сожгут этот дом вместе с нами, — спокойно сказала она, наливая в железную кружку какой-то резко пахнущий травяной отвар и протягивая Тихомиру. — Пей. Это уметрит пульс. Тебя трясет.

Тихомир взял кружку онемевшими пальцами, сделал глоток. Горечь обожгла горло, но по телу разлилось спасительное тепло.

— Кто это сделал? — спросила Вера, садясь напротив него на край стола и скрестив руки на груди. — Аркадий был слишком осторожен. Он не совершал ошибок.

Тихомир молча залез в карман пальто и вытащил тяжелый серебряный предмет. Он положил его на деревянную поверхность стола между ними.

В тусклом свете лампы обсидиановые глаза выгравированного ворона словно блеснули живым, зловещим блеском.

Вера резко отпрянула, ее лицо мгновенно потеряло остатки красок. Она уставилась на жетон так, словно это была ядовитая змея, готовая к броску.

— Откуда... откуда это у тебя? — ее голос впервые дрогнул.

— Аркадий сжимал его в руке перед смертью, — тихо ответил Тихомир. — Я использовал «Осколки». Я видел убийцу. Человек в черном мундире Канцелярии. Но перед тем как уйти, он показал этот жетон Аркадию. И... Вера, Аркадий увидел меня через мою магию. Он успел сказать: *«Ты следующий»*. Что это за жетон? Что они ищут?

Вера медленно подняла глаза на Тихомира. В ее зеленом взгляде теперь читался неподдельный, глубокий ужас.

— Это не просто Канцелярия, Тихомир, — прошептала она, переводя дыхание. — Это «Орден Ворона». Личная гвардия императора, о которой не пишут в газетах. Их посылают только тогда, когда нужно искоренить ересь или... стереть с лица земли тех, кто знает тайну основания этого города. Если они ищут тебя, тебе не поможет смена имени. Мне придется стереть тебя целиком.

Тихомир перевел взгляд с побледневшего лица Веры на серебряный предмет, лежащий на столе. В тусклом свете спиртовой лампы обсидиановые глаза выгравированной птицы казались бездонными колодцами. От металла по-прежнему веяло противоестественным, кладбищенским холодом.

— Мне нужно знать, кто он, — глухо произнес Тихомир,

протягивая руку к жетону. — Архивные записи Канцелярии нам не достать. Мой единственный шанс — увидеть убийцу ближе.

— Сбрендил? — Вера резко перехватила его запястье. Ее пальцы были тонкими, но хватка оказалась железной. — «Осколки памяти» работают с живым или только что умершим человеческим мозгом. А это — вещь. Проводник. Магический артефакт Ордена. Ты не просто считаешь воспоминание, ты нырнешь в чужую, темную ауру. Ты можешь не вернуться, Тихомир.

— У меня нет выбора, — он мягко, но настойчиво высвободил руку. — Аркадий сказал, что я следующий. Если я буду просто прятаться в твоём подвале, они все равно найдут меня. Но тогда я буду слеп. Я должен знать врага в лицо.

Вера тяжело вздохнула, отступая на шаг. Она поняла, что спорить бесполезно. — Хорошо. Но если я увижу, что твои глаза начнут заливаться кровью, я применю свою силу и насильно оборву твою связь. Рискнешь остаться без куса собственных воспоминаний, но хотя бы выживешь.

Тихомир кивнул. Он сел на жесткий деревянный стул, закрыл глаза и сделал глубокий вдох, настраиваясь на внутреннюю тишину. Сердцебиение, ускоренное отваром Веры, постепенно замедлялось. Стук капель дождя за окном полуподвала трансформировался в монотонный, гипнотический ритм.

Он протянул ладонь и плотно сжал пальцы вокруг сереб-

ряного жетона.

Холод артефакта мгновенно прошел руку до самого плеча, словно под кожу плеснули жидкого азота. Тихомир стиснул зубы, сдерживая крик, и мысленно потянулся к остаточным эманациям чужого разума, запертым в благородном металле.

«Осколки памяти».

Мир вокруг не просто разлетелся на куски — его сдавило, скрутило петлей времени и швырнуло в ледяную черноту. На этот раз не было привычного тепла утасяющей человеческой жизни, как с Аркадием. Была лишь абсолютная, звенящая пустота, сквозь которую проступали чужие, обрывочные образы.

...Отрезок времени: неизвестен. Прошлое. Вспышка багрового пламени. Огромный подземный зал, выложенный черным гранитом. Воздух пропитан запахом серы, канифоли и паленых перьев. Вокруг колоссального алтаря стоят двенадцать фигур в глухих черных плащах с капюшонами.

Один из них — тот самый убийца Аркадия. Тихомир узнает его по неестественно плавной, хищной осанке. Мужчина делает шаг вперед и протягивает руки к огню. В его ладонях плавится серебро. Он кует этот самый жетон руками, не чувствуя боли от раскаленного металла.

Капюшон незнакомца слегка сдвигается назад от порыва горячего воздуха. Тихомир вглядывается изо всех сил, преодолевая сопротивление чужой воли. Наконец, магия арте-

факта неохотно уступает, являя лицо.

Убийца молод, вызываяще красив, но его красота мертва и симметрична, как у мраморной статуи. Бледная кожа, тонкие губы, искривленные в едва заметной, презрительной усмешке. Но самое страшное — его глаза. У него нет зрачков. Вместо них — сплошная, зеркально-серая пелена, отражающая пламя алтаря.

Вдруг эта серая пелена в воспоминании фокусируется. Мужчина посреди ритуала в прошлом замирает. Он медленно поворачивает голову и смотрит прямо на Тихомира. Прямо сквозь толщину времени.

— Кто здесь? — раздается ледяной, породистый голос, от которого у Тихомира внутри все застывает. — Мнемоник?.. Жалкий червь.

Зеркальные глаза убийцы вспыхивают яростным, серебряным светом. Чужая, колоссальная ментальная сила бьет по сознанию Тихомира сокрушительным молотом, пытаясь выжечь его разум через установленный канал связи.

— Назад! — сквозь пелену боли и грохота Тихомир услышал отчаянный крик Веры.

В ту же секунду он почувствовал, как чьи-то прохладные ладони легли на его виски. Магия Веры — «Стирание» — вмешалась вовремя. Она не стирала его память, но воздвигла глухую, непроницаемую стену между его разумом и яростной атакой из прошлого, обрубая серебряную нить связи.

Тихомир с хрипом распахнул глаза и повалился со стула

на пол. Из его носа тонкой струйкой текла темная кровь. Жетон Ворона выкатился из его разжатых пальцев и с глухим стуком замер в углу комнаты.

Вера тяжело дышала, оперевшись руками о стол. Ее зеленые глаза лихорадочно блестели, а на лбу выступили капли пота.

— Ты... ты видел его? — тихо спросила она, вытирая рукавом лицо.

— Да, — Тихомир приподнялся на локте, размазывая кровь под носом. Голова раскалывалась так, словно по ней ударили наковальней. — Я видел его лицо. Серебряные, зеркальные глаза без зрачков. Он необычайно силен. Вера... он почувствовал меня. Там, в своем прошлом. Он понял, что за ним наблюдают.

Вера медленно опустилась на ступеньку рядом с ним. Ее лицо выражало крайнюю степень обреченности.

— Зеркальные глаза... — прошептала она, натягивая рукава рубашки на дрожащие кисти. — Господи, Тихомир. Это не просто каратель. Это граф **Алексей Орлов-Меньшиков**. Глава тайной канцелярии «Ордена Ворона». Проводник воли самого императора. Если он заметил твой след в потоке памяти... он уже знает, что ты жив. И он найдет способ вычислить, где был сделан этот ментальный слепок.

Она повернулась к нему, и в ее глазах появилось новое, жесткое решение:— Нам нужно уходить отсюда. Немедленно. Мое убежище больше небезопасно.

Вера действовала стремительно. Пока Тихомир утирал со лба холодный пот, она скидала в кожаный саквояж несколько чистых тетрадей, флакон с чернилами и завернутый в холстину паек. Жетон Ворона она подцепила куском плотного сукна, не прикасаясь к нему голыми руками, и бросила на дно сумки.

— На верфи Васильевского нельзя, там посты Канцелярии у каждого моста через Неву, — на ходу бросила она, накидывая глубокий капюшон. — Наш единственный шанс раствориться — Лиговка. Трущобы Обводного канала. Туда городская стража суется только батальонами. Там торговцы черным рынком памяти, они не задают вопросов.

Они выскользнули через потайной черный ход, ведущий в глухой колодец соседнего заброшенного склада. Дождь превратился в сплошную, ледяную стену воды. Воздух Петербурга, отравленный парами угольных котельных, обжигал легкие. Где-то в паре кварталов от них были сирены механических ищеек — граф Орлов-Меньшиков уже пустил ищейку по следу их ментальной вспышки.

Они почти пересекли узкий, заваленный мусором переулок, как вдруг из-за угла, тяжело дыша, вывалился человек. Это был ночной обходчик железной дороги — в промокшей шинели, с тяжелым керосиновым фонарем в руке.

Свет лампы выхватил из темноты бледное лицо Тихомира, испачканное кровью, и саквояж Веры.

— Стоять! Кто такие? — крикнул обходчик, хватаясь за

свисток на груди. — В округе объявлен план перехвата! Лица к стене!

У Тихомира не было времени думать. Он потянулся к револьверу Аркадия, но Вера оказалась быстрее. Она сделала резкий шаг вперед, сокращая дистанцию с поразительной, почти сверхъестественной грацией.

— Смотри на меня, — негромко, но властно приказала она.

Обходчик инстинктивно перевел взгляд на ее лицо. В ту же секунду капюшон Веры соскользнул назад. Ее неестественно яркие зеленые глаза вспыхнули ровным, изумрудным светом. Тихомир затылком почувствовал, как воздух вокруг них стал вязким и душным, словно перед грозой.

Вера плавно подняла правую руку и коснулась обнаженными пальцами виска мужчины.

Обходчик мгновенно обмяк. Его глаза остекленели, свисток выпал из пальцев, а фонарь опасно качнулся, но Тихомир успел перехватить его, не дав стеклу разбиться. Мужчина стоял прямо, покачиваясь, словно манекен.

В сознании Тихомира, как профессионального мнемоника, эта сцена выглядела жутко. Он видел, как от пальцев Веры в голову обходчика потянулись тонкие, светящиеся зеленые нити. Они находили в его разуме свежие узлы воспоминаний — образ Тихомира, саквояж, крик стражи — и безжалостно срезали их, как садовник срезает сорняки. На месте живых мыслей оставалась лишь серая, пустая дыра, ко-

торуя разум человека позже сам заполнит ложными деталями: усталостью или дремотой.

— Ты... никого... не видел, — прошептала Вера. Ее голос звучал хрипло, с трудом. — Ты просто шел на обход. Дождь сильный. Ты устал. Ты хочешь спать.

Она резко отдернула руку. Обходчик моргнул. Выражение паники и подозрения полностью исчезло с его лица. Он глупо улыбнулся, потер виски рукой и, не обращая внимания на стоящих перед ним людей, медленно побрел дальше по переулку, что-то бормоча под нос о плохой погоде.

— Бежим, — выдохнула Вера.

Тихомир обернулся к ней и едва успел подхватить её под руку. Вера тяжело осела, её лицо стало белым, как полотно, а из-под ногтей правой руки, которой она касалась мужчины, выступили мелкие капли темной крови. Цена за «Стирание» всегда была высока — забирая чужие воспоминания, её собственное тело расплачивалось за разрушение чужих нейронных связей. Каждый стертый миг выжигал её изнутри.

— Я в порядке, — прохрипела она, упрямо выпрямляясь и отталкивая его руку. — До Лиговки еще три мили. Если мы не успеем до рассвета, нас не спасет никакая магия.

Придерживая друг друга, оставляя позади залитый неоновым чадом и дождем центр имперского Петербурга, они растворились в темноте, направляясь к грязным, опасным и спасительным трущобам Обводного канала. Первая глава их побега была окончена, но впереди их ждала неизвестность.

Трущобы Лиговки встретили их запахом гнилой капусты, дешевого сивушного спирта и удушливого бурого дыма из котельных, работавших на низкосортном сланце. Здесь, в районе Обводного канала, золоченый блеск петербургских дворцов окончательно уступал место серой нищете. Каменные стены доходных домов-казематов были покрыты склизким грибком, а из темных подворотен доносился кашель चाहоточных рабочих и пьяный смех.

Вера привела его в «Гнилой угол» — полуразрушенный деревянный барак, стоявший на самом краю болотных пустырей. Здесь сдавали углы без паспортов и подорожных грамот.

Уложив бледную, обессиленную Веру на жесткую кушетку в углу крошечной каморки, Тихомир накрыл ее своим сухим пальто. Стирательница почти мгновенно впала в тяжелое, беспамятное забытие. Ее пальцы все еще мелко дрожали, а на подушечках пальцев правой руки запеклась темная кровь — страшная цена за то, что она спасла их жизни от обходчика.

Тихомир сел у единственного окна, за которым уныло выли паровые сирены Лиговского вокзала. Убедившись, что Вера крепко спит, он осторожно придвинул к себе ее кожаный саквояж.

Внутри, помимо чистых тетрадей и флаконов, лежал плотный сверток, обернутый в промасленную рогожу. Аркадий всегда упаковывал так самые ценные вещи перед продажей,

защищая их от сырости петербургских болот.

Пальцы Тихомира слегка дрожали, когда он разворачивал ткань. Внутри оказался небольшой блокнот в переплете из грубой телячьей кожи, исписанный мелким, бисерным почерком учителя. Это был личный дневник Аркадия. Тот самый дневник, который так отчаянно искал убийца с серебряным жетоном.

Тихомир открыл случайную страницу посередине. Буквы слегка расплывались в тусклом свете огарка сальной свечи, но профессиональный взгляд мнемоника цеплялся за суть. Аркадий писал не о часах. Он писал о *Великом Стирании* 1825 года.

«...14 декабря на Сенатской площади произошло не восстание, как пишут в официальных хрониках Канцелярии. Там произошел ментальный разлом. Орден Ворона применил "Машину Забвения" — колоссальный артефакт, выжегший память у половины города. Они заставили людей забыть то, что явилось из-под невского льда. Граф Орлов-Меньшиков лично руководил процессом. Мой орден, Мнемоники Истины, пытался сохранить осколки подлинной истории. Но нас предали. Мы заперли главную тайну города в серебряный жетон. Тот, кто соединит жетон с кровью последнего мастера, увидит истинное лицо Империи...»

Тихомир перестал дышать. Так вот почему учитель хранил этот жетон. Это был не просто знак отличия убийцы —

это был ключ, замок и архив одновременно. А он, Тихомир — последний живой ученик Аркадия. Последняя кровь ордена.

Вдруг дневник в его руках резко дернулся, словно живой.

Из глубины сакvoja, где лежал завернутый в сукно жетон Ворона, донеслось тихое, едва различимое шипение. Обсидиановые глаза птицы на серебряной пластине внезапно вспыхнули тусклым багровым светом прямо сквозь ткань.

Тихомир вскочил, опрокинув стул. Жуткий, ледяной сквозняк ворвался в закрытое окно, заставив пламя свечи отчаянно затанцевать. Жетон на дне сумки начал вибрировать, резонируя с дневником Аркадия. Магия Ордена Ворона не просто искала их — она использовала вещи покойного мастера как маяк.

Вера на кушетке застонала и заметалась во сне, хватаясь рукой за голову.

— Они... близко... — прошептала она, не открывая глаз.
— Тихомир... беги...

С улицы, пробивая грохот дождя, донесся тяжелый, мерный перестук кованых сапог. Канцелярия Тайных Дел во главе с зеркальноглазым графом Орловым-Меньшиковым вычислила их убежище гораздо быстрее, чем они рассчитывали. Лиговка больше не была безопасной.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.